

ОЙРАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ О РАЗГРОМЕ ХАЛХАССКОГО ШОЛОЙ-УБАШИ ХУНТАЙДЖИ В 1587 ГОДУ

Во второй половине XVI столетия, при правнучке Даян-Сецен-хана (1470—1543), Абатай-хане (ум. в 1586 г., сын Нунуху и внук Гересандзы), халхасские князья, временно объединенные авторитетом Абатая, предприняли попытку вырвать гегемонию из рук ойратских ханов и, добившись кратковременного успеха, возвели на ойратский престол Субагатая, сына халхасского Абатай-хана. Около 1586 г. Субагатай был убит ойратами, и эфемерная гегемония восточных монголов была ликвидирована. Отношения между ойратами и халха-монголами приняли в ту пору чрезвычайно напряженный характер. Разрозненности и взаимной вражде халхасских князей противостоял мощный Ойратский Союз, располагавший пятидесятитысячным корпусом одних только княжеских дружин.

Попытку Абатай-хана вздумали, видимо, повторить сначала правнук Гересандзы — Лайхорхан, а затем, в 1587 г., другой его правнук Шолой-Убаши-хунтайджи. Шолой-Убаши-хунтайджи (сын Тумен-Дара, внук Ашихая, правнук Гересандзы) правил на северо-западной окраине Халхи племенем Хотогойтов, на границе владений Сайн-Маджика, правителя племени Урянхайцев¹.

Для этого предприятия Шолой-Убаши вступил в военный союз с Урянхайским Сайн-Маджиком, и союзники вторглись в ойратские владения, располагая, по сказанию песни, восьмью тьмами войска, из которых полторы тьмы состояли из урянхайцев под командой Сайн-Маджика. Целью похода союзники ставили “повоевать Хари-Дорбон-Ойратов”.

Как видно из повествования песни, во главе Ойратского четырехцарствия стоял в ту пору хан Байбагус хошуутский, располагавший, кроме тридцати тысяч хошуутской дружины, также войсками ойратского нойона Тэбэнэ, в числе восьми тысяч; нойона Харахулы зюнгар-хотогойтского, в числе шести тысяч; хойтского Сайн-хя, сына Эсельбея, в числе четырех тысяч, и ойратского нойона Сайн-Сэрдэнги, сына Мангадая, в числе двух тысяч, а всего пятью тьмами ойратского войска.

В “Сказании о Дорбон-ойратах” Б. У. Тюменя находим следующие родословия Байбагуса хошуутского, Харахулы зюнгар-хотогойтского и Саин-хя хойтского.

Байбагус-Батур — сын Хан-нойона Хонгора, сына Бобой-Мирца, сына Кун-Тугуди, сына Орок-Томора, сына Аксагулдай-нойона, сына Саба-Ширма, сына Бурхан-Санджи, сына Кей-Кеймекту, сына [92] Адашир-Галзучин-тайджи, сына Энгке-Сумера, сына Хабуту-Хасара, т. е. потомок Чингисова брата Хасара в одиннадцатом колене. У Байбагуса, по Б. У. Тюменю, было не четверо братьев, как об этом говорится в нашей песне, а семь: Тумеди-Кондоленг, Дургечи-Убаши,² Номийн-хан Гуши, Засакту-чинбатур, Буянхатун-батур, Хамигай-Бекту и Хайнак-Тушету. Хара-хула — сын Абида-боло-тайши, сына Онгоцо, сына Архай-Чинсая, сына Хамук-тайши, сына Боро-Аялху, сына Оштомона, сына Эсель-тайши, сына Тогон-тайши, т. е. — потомок Тогон-тайши в восьмом колене.

Саин-хя — сын Эсельбея, сына Эбогон-Мергена из рода Чингис-хана.

Родословие Шолой-Убаши халхасского, по Эрденийн эрихе: Шолой-Убаши — сын Тумен-Дара, сына Ашихая, сына Гересандзы, сына Даян-Сецен-хана, т. е. Шолой-Убаши является праправнуком Даян-Сецен-хана.

Что касается сведений нашего памятника о военных силах сторон, то их, естественно, следует считать преувеличенными в отношении врагов, халхасцев, и, наоборот, преуменьшенными в отношении собственных ойратских сил. Судя по наблюдающемуся переходу ханской власти от царствующего дома одного племени к другому, можем заключить, что власть эта в Ойратском Союзе была выборной. В XV в. правительствующим племенем является племя Хойт, из которого происходили Тогон-тайши и Эсель-тайши, а в конце XVI и первой половине XVII в. первенство переходит к царствующему дому племени

Хошуут (Байбагус-батур-хунтайджи). Однако ойратский народ вырос уже до такого глубокого и ясного сознания своего единства, что поэт его с особой настойчивостью подчеркивает это ойратское единство пред лицом своих разрозненных и разобщенных врагов-халхасцев:

Словно зубья пилы, или иглы ежа,

Сомкнутым строем в четыре угла

Вечно ойраты стоят.

Уже одни приведенные данные позволяют назвать произведение подлинной исторической песнью с присущими ей чертами крайнего субъективизма и злободневности. Так, единоплеменных халха-монголов поэт характеризует с явным пристрастием человека, ослепленного враждой, как извергов, вероломных изменников и коварных предателей, людьми, настолько утратившими монгольские национальные черты и монгольскую воинскую честь, что среди их многочисленного войска не находится уже ни одного человека, который бы умел прочесть жертвенную молитву духу знамени.

Сюжетом песни является бесчеловечное истязание халхасцами пленного ойратского отрока и затем вероломное умерщвление его под видом принесения в жертву духу знамени, вопреки только что перед тем заключенному с ойратами клятвенному договору о неприкосновенности пленных лазутчиков. Но отрок-то оказывается воплощением гения хранителя ойратства и в предсмертных муках прокликает своих мучителей и накликает на них беду тяжкого поражения. Зловещее пророчество отрока тотчас же и сбывается: Сайн-Маджик Урянхайский, раздраженный алчностью, вероломством и зверством Шолой-Убаши, покидает своего союзника вместе со своими халхасскими единомышленниками, открывает ойратам расположение и число сил их врага и тем **[93]** содействует полной победе ойратов и совершенному разгрому сорокатысячного войска Шолой-Убаши.

По композиции своей песнь о победе над халхасцами восходит к некоторым звеньям "Сокровенного сказания" (1240 г.); таков, например, эпизод утрашения халхасцев ярким изображением богатырской мощи непобедимых ойратских богатырей: пленный ойратский отрок выполняет ту же самую роль и теми же приемами, что и Джамуха в "Сокровенном сказании", который "словом своим уничтожил" трусливого найманского хана. В дальнейшем наблюдаем использование эпических трафаретов Джангариады, в частности, характерных для песни о подвигах богатыря Санала (Дербетская версия). Общими с "Сокровенным сказанием" и Джангариадой являются также такие, например, трафареты, как: "с утра до зари гнались — к вечеру изловили"; "зубы скрежещут, глотают слюну...", "когда б ни пролиться ей — кровь одна; когда бы ни лечь им — кости одни".

Основной идеей памятника так же, как и в Джангариаде, является героическая любовь к родине и готовность положить за нее жизнь, подобно прославленному в песне отроку, который принял мученическую кончину за родину.

Тем не менее, неотделимое от чувства самоотверженной любви к родине, чувство священной ненависти к врагу-поработителю направлено здесь не к действительным иноземным поработителям, как это видим в "мифических" образах Джангариады, но к своим же соплеменникам халхасцам, переживавшим так же, как и сами ойраты, опасность порабощения со стороны общего врага в лице манджуро-китайских захватчиков. В этом извращении всегда здравого народного чувства нельзя не усмотреть следов "социального заказа" со стороны правящих феодальных кругов и прямого их давления.

Песнь стоит как раз на грани начинавшейся уже эпохи разложения ойратского феодального строя и междоусобных монголо-ойратских войн, а потому надобно заключить, что песнь эта несомненно восходит прежде всего к Джангариаде, как более древнему памятнику ойратского народного творчества поры расцвета ойратского феодального государства в середине XV столетия.

Однако же и сюжетные и композиционные сходства, и эпический “устно-письменный” язык этих двух памятников, и, в особенности, общая для них идея племенного единства ойратов, а также идея верности своей цветущей родине настолько сближают эти два произведения, что мы могли бы рассматривать сказание о победе ойратских богатырей не более, как одну из песен цикла о Джангаре. Однако историческую песнь резко отличают от Джангариады те самые особенности монгольской эпической хроники, которые так ярко представлены уже в начальной хронике 1240 г.

Комментарии

1. Ср.: А. М. Позднеев. Эрденийн Эрихэ. СПб., 1883, стр. 93 — 104.

2. Знаменитый Батур-хунтайджи был сыном этого брата Байбагуса, т. е. племянником Байбагуса.

Текст воспроизведен по изданию: Ойратская историческая песнь о разгроме халхасского Шолой-Убаши Хун-тайджи в 1587 г. // Советское востоковедение, № 4. 1947

ОЙРАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ О МОНГОЛЬСКОМ УБАШИ-ХУН-ТАЙДЖИ

(1587)

Приходили				из				Хара-булука-Хангайского,
Приходили				Убаши-хун-тайджи				Монгольский
Да				Сайн-Маджик				Урянхайский
Хари-Дорбон-Ойратов								повоевать. [94]
Переваливали			они			перевал		Налха-укур,
Подступали				к				Нал-хара-бороку,
Подступали		с		войском		в	восемь	тем.
Во	все	четыре		конца		Дорбон-Ойратских		кочевий
Разведку		посылали,	да	никого		сыскать	не	могли.
*				*				*
Собирал		тут		Монгольский				Убаши-хун-тайджн,
Собирал	он	на	сход	и	великих,	и	малых,	и средних,
Сказывал		он	слово		всем		своим	вельможам,
Починая		с		Сайн-Маджика				Урянхайского:
—Вы		послушайте		меня,				ребятушки.
О		Дорбон-Ойратах		такая		молвь		идет:
Мастера		до		прихода				врага
Обернуться				конем				дальнобежкой,
А	не	то,	как	дворняга,	и	в	икры	вцепиться
Говорите-ка		вы,	молодцы,	нам	не	лучше	ли	будет
Велеть			передать		то			Ойратам,
А		самим		по		домам		воротиться.

Так по мне, а вашему как?
 Одобряете — значит вернемся,
 А не то — так в поход!
 Выступал тут вперед Сайн-Маджик-Урянхайский,
 Горных стремнин леопард вороной,
 Выступал, докладывал Убаши-хун-тайджию:
 —И верно слово вашего нойонства,
 Да верно и то, что свои и чужие, ближние и дальние
 Про нас слышали: Убаши-хун-тайджи Монгольский,
 Да Пришли с Хангайского Сайн-Маджик-Урянхайский
 Хари-Дорбон-Ойратов Хара-булука
 Коли нам теперь по домам разойтись,
 Не пошла бы про нас, ваше нойонство,
 Не пошла б худая слава из роду в род:
 Чуть завидели, как маячит скот вдали,
 Так со страху разбежались!
 Согласились с этим словом
 Все монголы: и великие, и малые, и средние.
 Убаши-хун-тайджи слово тут молвил:
 — Кочевье Дорбон-Ойратское
 Может — к югу, может — к северу:
 Так куда же вы итти прикажете?
 Отвечал ему Урянхайский Сайн-Маджик:
 —Ваша правда, господин нойон.
 И велики кочевья Ойратские,
 Да все же на одном материке лежат.
 Хорошенько поискать велим,
 Сроку восемь дней дадим,
 А пути я сам укажу.
 Двести добрых молодых
 Из восьми тем авось выберем,
 Да четыре сотни коней авось отберем [95]
 Из табуна во сто шестьдесят тысяч
 Пусть идут они в разведку
 По тем путям, что я сам укажу.
 А найдут ли что, не найдут ли,
 Через восемь дней им назад быть!
 На том все и порешили.
 * * *
 Выступали двести разведчиков,
 Выступали следом за Сайн-Маджиком,
 Леопардом вороным с Урянхайских гор.
 За гранью воинского стана
 Подымались разведчики на вершину Черной горы,
 Объяснял им Сайн-Маджик,
 Куда и куда легли кочевья Дорбон-Ойратские:
 — Прямо перед вами Иртыш-река пойдет,
 Езжайте вы вниз по течению Иртыш-реки.
 Как возьмете вы в эту сторону,
 По нагорью чернолесье пойдет,
 По низинам — желтый камыш.
 Тут как раз промеж ними
 Будет брод по прозванию Мани:
 Тем бродом и переходите.
 А как перейдете на ту сторону,
 Разойдитесь и вверх, и вниз по течению.
 Коль нигде ничего не окажется,
 Возьмите от брода чуть-чуть повыше,
 Да к вечеру другого дня на водопой становитесь:
 Там пойдут черные горы с быстрыми ключами,
 По прозванью Эмэлийн-адаг, шара-хулсун,
 По ним-то поиском и пойдете.

Коль и тут ничего не окажется,
 Отправляйтесь вы туда, куда подойдут
 Истоки двух рек, Бачи и Гинджили,
 А те две реки подойдут вплоть к горам,
 Тут и надвое разойдутся.
 А коль во всех трех местах ничего не окажется,
 Ворочайтесь вы сюда, назад,
 Можно будет—с "языком",
 А нет — так со своими вестями.
 Будет ли что, нет ли —
 На восьмой день наскорях с вестями ворочайтесь.
 А я — к своему войску вернусь.
 Доброго успеха вам! — Сказал и уехал.
 * * *

Перешла монгольская разведка, как ей велено,
 Перешла Иртыш-реку у брода Мани,
 А по той стороне поиск сделала
 И вниз, и вверх по течению, да найти ничего не нашла. [96]
 Пошел поиск желтым камышом
 У истоков рек Бачи и Гинджили.
 Сразу тут мальчонка заприметили:
 Подпоясан лентою атласною,
 Ноговицы на нем бархатные,
 От роду, видать, лет семи будет,
 На гнедом белогрудом трехлетке.
 С утренней зари гнались, к вечеру изловили.
 В свой круг его двести разведчиков сажали,
 Вестей от него выспрашивали:
 — Ты скажи нам, сударик, чей ты есть таков,
 По какому делу ежживал?
 — Байбагуса хана я подданный,
 Девять белых верблюдов у него пасу.
 — А есть ли у Дорбон-Ойратов войско,
 Или нету вовсе у них войска?
 Где их кочевье пойдет?
 А мальчик им в ответ:
 — Вам не велено допрос держать,
 Ваше дело "языка" достать.
 Надевают шубу с воротами,
 А ответ пред ханом держат.
 Вы живьем меня доставите,
 А ответ мне самому держать!
 И пытаться его — ни звука не добьются,
 И грозить ему — ни слова не услышат,
 И пугать его — один ответ.
 Стали тут разведчики советываться:
 — А и впрямь не велено нам спрашивать,
 Только велено представить живьем!
 Да на том и порешили все.
 Наперед двоих отрядили
 С вестью о Дорбон-Ойратах:
 В пределах Дорбон-Ойратских
 Поймали-де мы семилетнего отрока,
 И вот что-де он рассказывает.
 Пред лицом Убаши-хун-тайджия,
 Пред лицом великих, и малых, и средних
 Дают отчет вестовые,
 А тут как раз приводят и мальчика-семилетку.
 Прослышав, что туг на язык мальчуган,
 Возложил хан обнаженный свой меч,
 Возложил на престол осьминогий.
 * * *

Привел Убаши-хун-тайджи,

Привел семилетнего отрока
 В свой походный дворец о восьми решетках-тэрмэ,
 Шкурой черно-пестрого тигра покрыт.
 Со связанными за спиной руками
 Поставили его на колени пред тем сандаловым тронем осьминогим. **[97]**
 Правым коленом давит, насаждает
 Горных стремнин леопард вороной,
 Сайн-Маджик Урянхайский;
 Левым коленом давит, насаждает Бахан-Цэцэн.
 А допрос ведет Убаши-хун-тайджи:
 А держи-ка ты ответ нам, касатик,
 Есть у Дорбон-Ойратов войско или нету?
 Что они там поделявают?
 И тотчас отвечал мальчик Убаши-хун-тайджию:
 — Спрашивайте-ка вы, нойон, да без острастки,
 Скажу я вам все без утайки:
 Спрашивайте-ка вы, да без насилья,
 Выложу я вам все без остатка.
 Словно зубья пилы, или иглы ежа,
 Сомкнутым строем в четыре угла
 Вечно ойраты стоят.
 Это вот знаю и вам сказываю,
 А чего не знаю — о том и речь не пристала!
 Дерзостью был огорошен Хун-тайджи,
 Все же допрос продолжал,
 — Кто из ойратов к нам ближе кочует?
 Иль кочевье назови, или войско!

* * *

— Сайн-Сэрдэнги к вам всех ближе живет,
 Сын Мангадая, нойон Сэрдэнги.
 Шлем у него из тоджи-серебра,
 Алый чешуйчатый панцырь на нем,
 Ватная куртка из шелка-тоджи,
 Скачет на пестро-чубаром коне.
 Тысячи две молодцов у него
 В землю две тысячи копий втыкают,
 Держат на привязи коней готовых,
 Коней откормленных будет две тысячи.
 Зубы скрежещут, глотают слюну:
 Где же для травли нам зверь,
 Или где недруг для смертного боя?
 Зубы скрежещут, глотают слюну...
 Вам подойдет он, почтенный нойон?
 — Он у тебя — ничего, подойдет.
 Ну-ка, касатик, кто ж дальше живет?

* * *

—Далее — Хойтский Сайн-хя,
 Сын Эсельбэя, Сайн-хя.
 В самых истоках Иртышской реки
 Собраны два нутука у него:
 Это Ирчин да Хорчин.
 Так выдается меж всеми Сайн-хя,
 Как белизна по бокам у быка вороного, **[98]**
 Тысяч в дружине—будет четыре.
 Столько же в землю вонзается копий,
 Столько же сытых коней на приколе.
 Зубы скрежещут, глотают слюну:
 Где неприятель для смертного боя,
 Молвит он, где молодец, чтоб поспорить?
 Зубы скрежещут, глотают слюну...
 Вам подойдет он, почтенный нойон?

— Он у тебя — ничего, подойдет.
Ну-ка, касатик, кто ж дальше живет?
* * *

— Дальше *Зюнгар-Хотогойтский нойон*,
Хара-хулой прозывается он.
Взглядом похож на голодного коршуна,
Всею повадкой—на куцкого волка,
Как на заре он в отару ворвется
Да и дружина нойону подстать:
Тысяч там шесть удалых молодцов.
Вам подойдет он, почтенный нойон?
— Он у тебя — ничего, подойдет.
Ну-ка, касатик, кто ж дальше живет?
* * *

—Дальше как раз будет *Сайн-Тэбэнэ*,
Витязь ойротский, нойон Тэбэнэ.
В самых истоках реки Нарин-гол,
Там, где с рекою Уту она воды сливает,
Сайн-Тэбэнэ и кочевья раскинул.
Сам на поджаром соловом в поход,
Войска за ним *восемь тысяч* идет.
Вам подойдет он, почтенный нойон?
— Он у тебя — ничего, подойдет.
Ну-ка, касатик, кто ж дальше живет?
* * *

Далее *хан Байбагус-Хошуутский* живет.
Пятеро тигров в семье. Он старший и лучший.
Голосом — тигров десяток.
Бранных потех он любитель большой.
Войска за ним *тридцать тысяч* идет,
В юрте-дворце своем дело ойратской
Державы и веры он судит.
Стены в пятнадцать решеток-тэрмэ
Пёстро-тигровыми шкурами крыт.
Страха не знает, живет без забот, [99]
Пальцы распялит, разинет свой рот:
"Кто на всем свете пока еще цел,
Чтобы со мною равняться посмел?"
* * *

Я — сын простого человека,
А от роду мне семь лет.
Всех Дорбон-Ойратов я не объезжал,
А сыны ойратские есть во всех четырех концах земли.
Вот и всё моё показание!
Говорит тогда Убаши-хун-тайджи:
—Вывести этого мальчугана и принести в жертву знамени.
Уж повели - было двое, как отрок сказал:
— Хочу я доложить слово нойону!
Опять поставили его попрежнему, а хан говорит:
—Ну, касатик, говори свое слово!
И отрок сказал ему так:
* * *

—Некогда, после битвы на Эмэлийн-адаг-шара-хулусуне,
Перед разъездом по домам, мирный договор
Заклучили Монгольский Сайн-Лахар-хан
И Дорбон-Ойратские сайды и нойоны.
И клялись они друг другу:
Погибель падет на голову тех,
Кто посмеет когда-либо пленного "языка"
После допроса убить
Разве не так вы друг другу клялись?
Как же забыли вы доброе слово,
Как же забыли вы добрую клятву свою,

На смерть меня обрекая?
Всего мне семь лет от роду,
Сын я простого человека.
Пощадите ж мне жизнь, нойон!
Убаши-хун-тайджи не удостоил ответом,
И снова повели-было двое,
Но отрок обещал еще рассказать об ойратах.
— Говори же, мальчуган! И отрок сказал так:
* * *

— Хан Байбагус Хошуутский,
Голосом — тигров десяток,
Старший из пяти братьев-тигров,
Охотник до кровавых забав,
Обнажил, говорят, он свой меч булата-гинта,—
Некогда отнял его у Бэмбэда,
— Да так им рубнул он булатный очаг,
Что посыпались искры, **[100]**
Да так он при этом сказал:
"Как на подушке улягусь я
На пояснице Убаши-хун-тайджия,
Пролью его черную кровь.
По всем дорогам размечу я
Обломки его черного знамени.
Соединяясь с любимой ханшей его Дара,
Буду целовать ее кроваво-алые щеки,
Буду обнимать породистое белое тело ее,
К румянцу алых ланит
Прижмусь бородой счастливой своей,
Счастьем и долей его завладею!
Эти слова вам не худо запомнить!"
* * *

Тут повели отрока приносить в жертву знамени.
И не нашлось у Монголов умеющего прочитать молитву знамени.
И сказал отрок: Я — жертва Духу, я же и "Господин знамени": Позвольте же мне самому
прочитать молитву.

— Ладно, мальчик. Только читай хорошенько!
— Я-то прочитаю как следует,
Только вы как следует слушайте!
* * *

— О, милосердное Небо-воитель, пей и вкушай!
И да исполнится моление мое:
Пролив черную кровь Убаши-хун-тайджия,
Пусть Байбагус, государь всеойратский,
Как на подушке, уляжется на его пояснице;
Пусть размечет он по всем дорогам
Обломки его черного знамени;
Пусть заберет он его возлюбленную супругу Дара;
Пусть попирают ногами ойраты
Обломки его черного знамени.
Пусть, опустив свой ало-шелковый чумбур,
Бродит конь его Оргийн-урук-шарал,
И пусть один из ойратских сынов
Поймает его, поддев копьем за поводья.
У Бачи пошли ты ему полный разгром,
В пустыне его опрокинь ты.
У Эмэлийн-олон-долодой
Вырви ты печень и почки его.
У истоков ручьев Хадатуд
Так порази, чтоб завыл он;
Смятеньем и ужасом его порази ты
У вод реки Булукту.
И счастьем и долей его
Пусть завладеет один из ойратских сынов.

Дойдя до горы, опрокинься ты кверху ногами!

Сказал он и дух испустил. **[101]**

* * *

Пошла молва по всему войску монгольскому:
Сбудутся, нет ли слова вздетого на кол отрока,
А недоброе предвестье тут налицо!
И хоть объяла все войско тревога великая,
Так говорили бойцы:
Чем услышать нам молву
Про Монгольского Сайн-Убаши-хун-тайджия,
Что бежал он домой с поля битвы,
Двинемся лучше в поход,
Сумеем пройти и гуськом!
Выступало в поход монгольское войско,
Вброд реку Иртыш переходило,
Черными камышами у Эмэлийн-адаг прошло,
Вторглось верховьями Бачи-Гинджили,
Тут и лагерем стали все восемь тем.

* * *

Бахан-Болбосуна, на мухортом коне Соколе,
Посылали в разведку к Дорбон-Ойратам на два дня.
А тот Бахан с тринадцати до тридцати семи лет воевал,
Под стопу врага никогда не попадал.

* * *

Убаши-хун-тайджи тризну правил,
Закалывал он своего туркестанского белого верблюда,
А на того верблюда походный дворец его вьючили.
Созывал он на тризну любимых своих молодцов,
Похвалял он их да любезно их потчевал:
— Уподоблю вас рогам вожака-козла,
Что первым кидается в воду.
Уподоблю вас ушам моего Рыжки,
Что первым на грабеж кидается.
Ведомы вам проклятия злосчастливого отрока,
Ведомы и слухи о Хари-Дорбон-Ойратах.
Так не пожалейте же, молодцы, своего поту черного!
Отвечали ему молодцы:
— Своему нойону мы покорны:
*Когда б ни пролиться ей—кровь одна,
Когда бы ни лечь им—кости одни.*
Не изменим мы делу своему
Пред очами нойона любезного!
И с шумом в поход собирались.

* * *

Приезжал тут и Бахан-Болбосун,
Привозил он вести об ойратах, **[102]**

Так о них Хун-тайджию докладывал:

— *Словно зубья пилы, или иглы ежа,
Сомкнутым строем в четыре угла
Дорбон-Ойраты живут.*

Не то, чтобы я не узнал, что они стерегутся,
Проведав о нашем походе;
Не то, чтобы я не узнал,
Что они и всегда настороже.
Вот каковы мои вести об Ойратах!
Убаши-хун-тайджи изволил сказать:
— Ну, а что б ты сказал на такой план
— Послать нам вперед погромный отряд,
Оставить главные силы в четыре тьмы!
Баха-Болбосун отвечал:
— Если в бою с Дорбон-Ойратами
Мы засветло наутек пойдем,
То еще кое-как ноги унесем,

А как придется убегать впотьмах,
То пропадать нашим головам.
Разгневался на эти слова и сказал Убаши-хун-тайджи:
— В шутку ты это или всерьёз,
Но таким грубым словом своим
Ты за сердце задел
Любезных моих молодцов!
И повелел он казнить Болбосуна
По примеру давешнего отрока.
Только благодаря своему мухортому Соколу
Спасся Бахан-Болбосун бегством.

* * *

Ради будущей славы уговорились наступать
Убаши-хун-тайджи Монгольский
Да Сайн-Маджик Урянхайский.
Но когда назначался передовой погромный отряд,
То передовым этим отрядом
Убаши-хун-тайджи послал *своих* людей.
Разгневался за то Сайн-Маджик Урянхайский,
Разгневался и говорит Убаши-хун-тайджию:
— Много уже раз поступал ты не по правде,
С той поры, как в поход мы выступили.
Но вот этой твоей кривды я снести не могу.
И первая тебе дурная примета пусть будет в том,
Что пытал да лютой смертью казнил ты отрока,
А его ведь "языком" взяли.
А вторая тебе дурная примета в том,
Что обломал ты ножки у своего осьминоного сандалового трона.
А третья тебе дурная примета в том,
Что скормил ты на тризну
Своего белого верблюда туркестанского.
А теперь умыслил утаить от меня вражеский скот:
Ты своих людей назначил в передовой погромный отряд — **[103]**
Эта четвертая тебе дурная примета.
Жаден, скареден к добыче ты,
Жаден для своих соратников.
Будто про тебя и слово сказано:
"Черный пес до крови жаден".
Я уезжаю домой! И, сказав, уехал
С пятнадцатью тысячами своих молодцов.
А Убаши-хун-тайджи устремился на Дорбон-Ойратов.

* * *

Сайн-Маджик Урянхайский
Посылал двухтысячный конный отряд,
С четырьмя конями на каждого всадника,
Давал наказ Бахан-Болбосуну:
Налетай-ка ты через Боро,
Назад ворочайся через Кэльтэгэй.
Захвати "языка" и пошли Дорбон-Ойратам такую весть:
"Мое кочевье на Хангайском Хара-булуке.
Приходили мы переведаться с вами,
С Хари-Дорбон-Ойратами.
А сейчас мы, в числе четырех тем, домой воротились.
А Убаши-хун-тайджи пошел на вас,
Гуськом продвигается со своим войском.
Сами ведайте, как в этом деле поступить!"
По наказу Маджика Болбосун опередил монголов,
Набрал в добычу верблюдов длинноногих,
А на обратном пути через "языка" весть послал.

* * *

Убаши-хун-тайджиев погромный отряд остановился,
Захватывая в добычу скот и овец.
Тут-то в полном сборе и подоспело ойратское войско.

Убаши-хун-тайджию ни податься назад,
Ни тронуться вперед: на месте зажали.
Трое суток сеча длилась.
И пришлось монгольскому войску туго.
Тут-то Убаши-хун-тайджи
Волоча свое черное знамя,
Бросился было наутек с излюбленными молодцами,
Да выступал один из великой всей рати ойратской,
Выступал ойратский нойон Сайн-Сэрдэнги,
Целил он копьем в Убаши-хун-тайджия
Да такое слово сказывал:
— Ну, нойон! Оделся я теперь от ваших пахнущих мускусом одежд,
Сподобился я теперь от ваших солёных яств.
Да только не прогневайтесь — вот вам в том и голова моя повинная, —
Должен я от имени Хари-Дорбон-Ойратов
Поднести вашей правой почке — копье!
И поразил он тут Убаши-хун-тайджия. **[104]**
* * *

Смертельно раненный сказал Убаши-хун-тайджи:
— Пустите моего Урук-Шархала:
Пусть отнесет он на родину весть.
Да и вам, молодцы, не вернуться домой.
Друг другу подушкой служа
Падите вы все, как один.
Вспомните доброе имя свое:
Да не пристанет к нему клевета,
Будто спасались вы бегством!
Только успел он это сказать,
Как с правого бока коня опрокинулся.
В окружении войска ойратского
Вся дружина Убаши-хун-тайджия,
Обрезав от седел свои стремяна сыромятные,
Билась над прахом нойона
И в сече вся полегла возле него.
* * *

Вот как поразили Монголов Дорбон-Ойраты.
То гений-хранитель ойратства
Обернулся семилетним отроком
И воздал Монголам отмщение.
* * *

И было то в год Огня-Свиньи (1587).